

ПУБЛИКАЦИИ

ИТОГИ РАБОТ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР В 1953 г.

Работы Хорезмской экспедиции в 1952—1953 гг. велись в значительно более широком масштабе, чем в предшествующие годы. Начиная с 1952 года¹ мы развернули параллельные раскопки ряда памятников, одновременно с которыми другие археологические отряды осуществляли рекогносцировочные исследования. Благодаря этому тематика работ экспедиции охватила огромный период, начиная от неолита, т. е. III тысячелетия до н. э., до XVI—XVII вв. н. э.

Работы в области изучения памятников первобытной эпохи осуществлялись Кой-крылганским (под руководством автора) и Заунгузским (начальник отряда М. А. Итина) рекогносцировочными отрядами. Во время сплошного обследования зоны сухого канала «древний Кельтеминар» первым из этих отрядов был открыт целый ряд стоянок, относящихся преимущественно к концу II тысячелетия до н. э. Особенно много стоянок оказалось вдоль старого русла одного из протоков древней Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи, к северу от крепости Ангка-кала. Они расположены целыми рядами по краям такыров, окаймляющих боковые протоки древних дельтовых русел. Наибольший интерес представляет стоянка Ангка-кала № 5. Это первая стоянка хорезмийской тазабагьябской культуры бронзового века с сохранившимся культурным слоем. Здесь раскрыта незначительно углубленная полуземлянка прямоугольной формы с длинным узким входом, по краям которой выходят многочисленные обломки тазабагьябской керамики, зола и угли (рис. 1). Другая группа стоянок была обнаружена к северу от развалин открытой в 1953 г. крепости Дингильдже, на правом верхнем отвлении древнего канала Кельтеминар. Здесь одно из сохранившихся жилищ имеет совершенно ту же форму, как и полуземлянка в Ангка-кала № 5.

Заунгузским отрядом, осуществлявшим рекогносцировочные работы по изучению первобытных памятников левобережного Хорезма по маршруту, параллельному старым руслам Канга-Дарья — Туны-Дарья — южный Даудан, был обнаружен ряд стоянок поздне-неолитической культуры в районе Пешке-Кую, Зенги-Баба, урочище Хатыб-Кую и Гяур-гыр. Эти стоянки (наиболее богатый материал дала Гяур 1) должны быть отнесены к кельтеминарской культуре и датированы временем около начала III тысячелетия до н. э. (рис. 2). Указанный ряд памятников хорезмийского неолита как бы связывает верхнеузбойский неолит с неолитом собственно Хорезма. Многочисленные поиски, сделанные в районе земель древнего орошения левобережного Хорезма и в районе пересекающих эти земли древних русел, дали пока что отдельные случайные находки кремневых отщепов и орудий, в частности наконечников стрел, относящихся к эпохе бронзового века. Повидимому, столь резкое различие между характером распространения памятников неолита и бронзового века вне пределов древней культурной полосы и внутри этих пределов связано с тем, что здесь эти памятники оказались перемытыми или погребенными позднейшими отложениями.

¹ Отчет за 1952 г. см. ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—174, и № 2, стр. 154—188.

Основное внимание экспедиции было сосредоточено на изучении памятников античной эпохи. В 1953 г. была поставлена задача углубиться в слои, относящиеся к хронологически более раннему периоду, чем памятники, исследованные за последние годы, к IV—III вв. до н. э. С этой целью левобережным отрядам экспедиции было поручено исследование так называемых «городищ с жилыми стенами» Кюзели-гыра и Калалы-гыра, обследованных в 1939 г.¹ и в 1950 г. (СА, XVIII, 1953, стр. 301 сл.). Кроме того, и на правом берегу, непосредственно в окрестности Кой-Крылгана осуществлялось исследование многочисленных остатков памятников того же времени.

Рис. 1. Стоянка Апка-кала 5. Скопление тазабагъябской керамики

Исследование городища Кюзели-гыр (начальник отряда О. А. Вишневская) велось шестью раскопами; четыре из них были заложены на «жилых стенах» городища, один — в районе «трех бугров» близ центра городища (ДХ, стр. 79) и один — между «тремя буграми» и южным углом.

Исследования показали, что в культурном слое городища четко выступают два строительных яруса. В керамике обоих слоев не удалось пока установить существенных различий, и весь этот материал, датируемый обильными находками стрел скифского типа VI—V вв. до н. э. (рис. 3), носит архаический характер. Он близок к материалу из Кабадиана I, датируемому М. М. Дьяконовым VII—IV вв. до н. э.² Зато строительная техника нижнего и верхнего горизонта оказалась резко различной. В то время как верхний горизонт своими строительными приемами мало отличается от классического периода хорезмийской античности, нижний характеризуется большим своеобразием. Для верхнего горизонта характерен классический квадратный сырец (39—40 × 39 — 40 × 10—12 см), прямоугольные башни (рис. 4), круглые и овальные

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 77—85 (далее ДХ).

² М. М. Дьяконов, Археологические работы в нижнем течении р. Каджринган (Кабадиан), «Труды Таджикской экспедиции», т. II (МИА, № 37), М.—Л., 1953, стр. 279 сл., рис. 18—19, табл. XII.

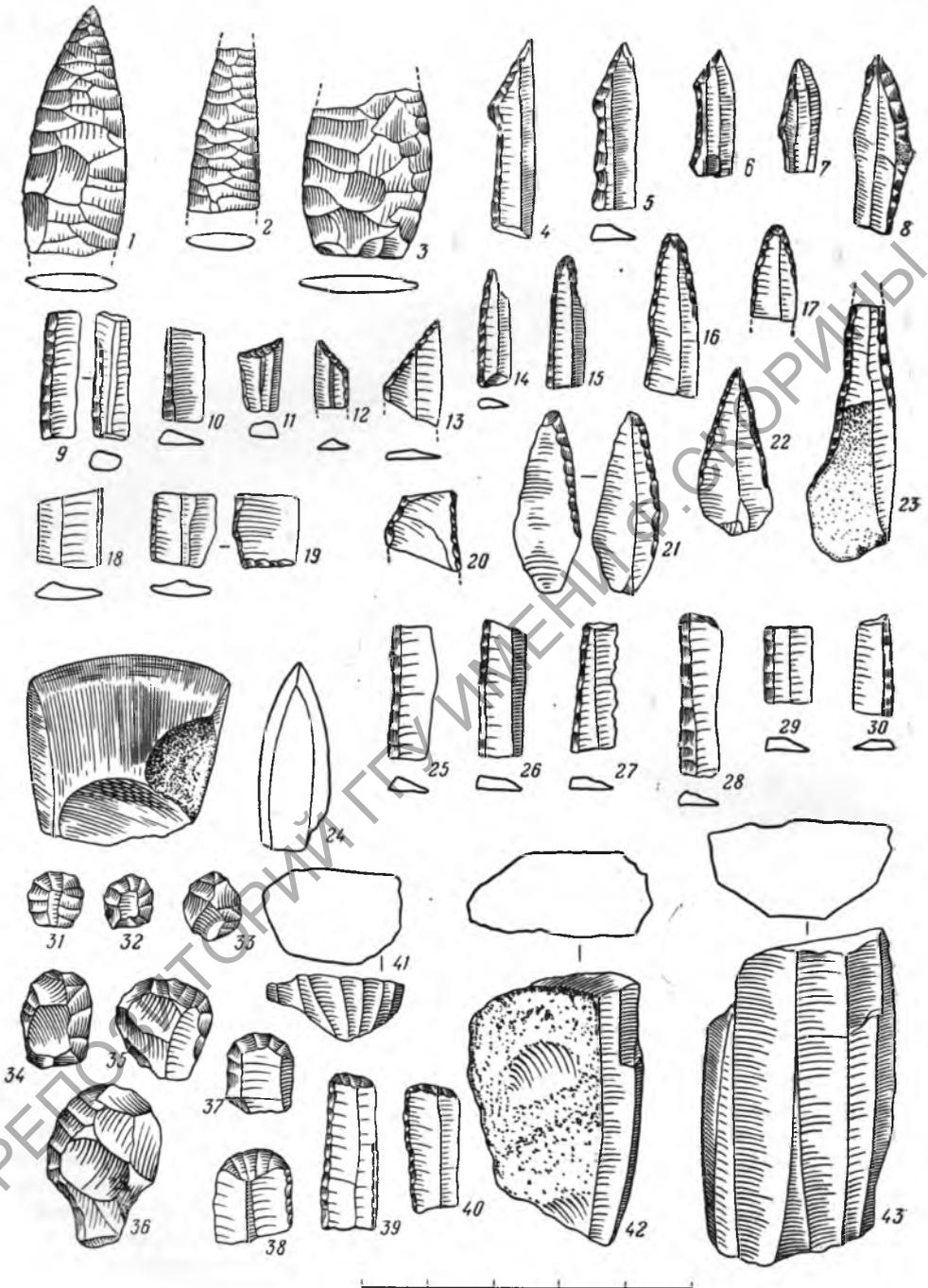

Рис. 2. Неолитическая стоянка Гюр-гюр 1. 1—3 — наконечники стрел с двусторонней обработкой отжимной ретушью; 4—8 — наконечники стрел кельтемарнского типа; 9, 10, 18—20, 25, 30 — ножевидные пластины-вкладыши; 11—13 — ножевидные пластины со скошенным краем; 14—17, 23 — проколки; 21, 22 — проколки типа острокопечников; 24 — шлифованное каменное тесло; 26 — 29, 31—36 — скребки на отщепях; 37—40 — скребки на пластинах; 41—43 — нуклеусы

открытые очаги. Для нижнего слоя типичен прямоугольный сырец (47 — 50 × × 23 — 25 × 12 — 13 см), овалыные башни, двухкамерные очаги-печи.

Рис. 3. Городище Кюзели-гыр. Бронзовые наконечники стрел скифского типа

Этот строительный комплекс лишен сводчатых перекрытий. Относительно сооружений верхнего горизонта вопрос пока остается открытым.

Большой интерес представляет вскрытый участок хорошо сохранившейся северной стены крепости, относящийся, видимо, к концу первого строительного

периода. Башнеобразный выступ стены с бойницами (рис. 4) может рассматриваться как прототип тройных бойниц Джанбас-кала (см. ДХ, стр. 91, рис. 28, табл. 25, рис. 1, 3)

Облик городища, реконструированный нами в свое время (ДХ, стр. 81, рис. 20), должен быть сейчас существенно уточнен и пересмотрен. После раскопок 1953 г. выяснилось, что для обоих горизонтов можно говорить не о трех, а лишь об одном жилом и одновременно стрелковом коридоре шириной 2,5—2,6 м в южной части городища и около 4 м — в северной (повидимому, более поздней). К этой основной жилой стене изнутри примыкает на раскопанном участке ряд перпендикулярных к ней жилых по-

Рис. 4. Городище Кюзели-гыр. Башня с тремя бойницами

мещений длиной около 6 м при ширине 3—5 м, со стенами и полом, сложенными из кирпича нижнего горизонта и обмазанными саманным раствором. Однако на соседних участках наблюдаются отступления от этой планировки, позволяющие утверждать, что ось внутренних помещений в отдельных случаях шла параллельно внешней жилой стене, как это было выяснено при зачистке 1939 г., что и послужило основой прежней реконструкции. Плоское перекрытие из дерева, камыша и глины и каркасные стены части внутренних пристенных помещений вносят новые штрихи, уточняющие картину общего облика городища, так же как и раскопки «трех бугров» и зачистка и шурфовка значительной площади к северу от них. «Три бугра», относящиеся к верхнему строительному периоду, являются сохранившимися докольными частями трех расположенных на расстоянии около 15 м друг от друга башнеобразных сырцовых сооружений, подквадратных в плане, с длиной стен 8—9 м. Внутри сооружений помещается небольшая (у двух 4 × 4 м, у третьего 5 × 5 м) комната со стенами, покрытыми глиняной штукатуркой. К сожалению, планировка и скудные находки внутри этих комнат не дают возможности решить вопрос о назначении зданий (рис. 5).

Зачистка строительных остатков к югу от этих зданий показала, что здесь прослеживаются следы значительной прямоугольной постройки, относящейся главным образом к верхнему горизонту и представляющей, повидимому, нечто вроде цитадели.

Материал, при всей его недостаточности, обращает внимание на ряд черт сходства планировки Кюзели-гыра и синхронного с ним городища Чирик-Рабат на Жаны-

Дарье¹. Овальное в первом случае и подтреугольное — во втором оба городища вытянуты с севера на юг, причем в обоих случаях южная площадка городища значительно выше, чем северная, лежащая уже не на «гыре», а на равнине. Главный вход в оба городища — с юга. Посредине широкой стены, пересекающей овал Чирик-Рабата на северную, низкую, и южную, высокую, часть, расположены три высоких песчаных бугра, с остатками сооружений на них. Сходным образом три башнеобразных сооружения Кюзели-гыра расположены посредине верхней части кругого ската.

Рис. 5. Городище Кюзели-гыр. «Три бугра» после раскопок

К юго-западу от «трех бугров» Чирик-Рабата расположена прямоугольная цитадель. Следы такой же застройки открыты в аналогичном месте Кюзели-гыра. И, наконец, на Чирик-Рабате, как и на Кюзели-гыре, прослеживаются два строительных горизонта, характеризующих нижний — прямоугольным, а верхний — квадратным сырцом.

Нельзя, конечно, пытаться полностью отождествить эти памятники, один из которых, Чирик-Рабат, к тому же существовал гораздо более длительный период. Однако оба эти укрепления, видимо, принадлежат в своей основе к периоду расцвета архаической хорезмийско-массагетской, еще полуварварской, державы, и анализ одного из этих памятников, лучше сохранившегося, позволяет понять особенности другого.

Среди находок 1953 г. особо должна быть отмечена находка железного серпа — древнейшая находка предмета из этого металла в Хорезме.

Не меньший интерес представляют раскопки другого памятника, относящегося также к эпохе «городищ с жилыми стенами», но датированного, как это сейчас выяснилось, несколько более поздним временем, — Калалы-гыра (начальник отряда Ю. А. Рапорт). Городище имело три совершенно различных периода существования.

Первый — период незаконченной постройки этой самой крупной из известных нам древнехорезмийских крепостей. В это время был разбит правильный план крепости, заложены цоколь стен с двойными коридорами и основания предвратных сооружений и лестниц, ведущих на верхнюю площадку стен городища. Было близко к за-

¹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 99, рис. 22.

вершению, но все же осталось недостроенным большое — 80×80 м — здание у западной стены городища, предназначавшееся, видимо, служить резиденцией какому-то влиятельному лицу. Одновременно начались работы по перекрытию этого здания специальным алебастровым кирпичом и по отделке его великолепной алебастровой монументальной скульптурой. Форма для изготовления одной из деталей скульптуры — головы громадного грифона — была добыта раскопками (рис. 6). Совокупность всех данных позволяет предполагать, что постройка как стен укрепления, так и большого

Рис. 6. Городище Калалы-гыр 1. Голова грифона. Гипсовая отливка из алебастровой формы

здания совершалась одновременно и относится к рубежу V и IV или к началу IV века — концу периода господства Ахеменидов в Хорезме. Сооружение этой грандиозной, оставшейся недостроенной крепости, видимо, ставило своей целью обеспечить господство ахеменидских завоевателей над ирригационной системой данного района — напомним, что Калалы-гыр лежит в самом ее узле, занимая командующее положение в системе древнего Чермен-Яба, — а также и защиту этой системы от соседних кочевых и полукочевых племен. Постройка этой крепости могла входить в систему тех мероприятий, которые отражены в известном рассказе Геродота об ирригационной политике ахеменидских царей (Нер., III, 117). Если данное предположение окажется верным, оно поддержит правильность заключения о том, что рассказ Геродота о реке Аке и о ее пяти притоках, запертых Ахеменидами в интересах сбора дани с населения, относится к Аму-Дарье¹. То, что крепость осталась недостроенной, можно объяснить падением ахеменидской власти, которое сделало постройку укрепления ненужной. В пользу указанной гипотезы говорит и то, что целый ряд строительных навыков и приемов, ярко выступающих в Калалы-гыре, впоследствии не получили своего развития в истории архитектуры Хорезма.

Городище было заброшено после того, как был сооружен цоколь стен и несколько продвинуто сооружение дворцового здания. Повидимому, через несколько десятилетий, судя по наличию над архитектурными полами дворцового здания стерильного слоя, это здание использовалось под жилье, возможно небольшим пограничным

¹ В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море, Ташкент, 1902, стр. 8; ДХ, стр. 43 сл.

гарнизонном хорезмийского царства. Находки в этом культурном слое чрезвычайно близки к раннекангюйской культуре, хорошо известной нам по раскопкам в Кой-Крылган-кала. Должно отметить ряд ценных находок, в частности целый керамический ритон, украшенный головой коня (рис. 7).¹

Рассматриваемый слой должен быть датирован IV — началом III в. до н. э.

После пожара, возможно, вызванного какой-то военной катастрофой, городище было повторно заброшено на несколько столетий. Затем, не ранее начала нашей эры, оно было вновь использовано в качестве громадного некрополя с обрядом оссуарных погребений¹. Раскопками 1953 г. в центральном здании раскрыто около 40 оссуариев, в которых было обнаружено более сотни захоронений. Таким образом, мы имеем здесь

Рис. 7. Городище Калалы-гыр 1. Керамический ритон

Рис. 8. а, б, в. Городище Калалы-гыр 1. Типы керамических оссуариев и птичка с крышки оссуария

первый, пока наиболее древний комплекс погребальных памятников древнего Хорезма. Обиходный керамический материал, захоронения в бытовой керамической посуде, а также характер теста и обработки поверхности самих оссуариев позволяют с достаточной определенностью датировать весь наличный комплекс ныне известных нам оссуариев временем I—III вв. н. э. с небольшими возможными колебаниями в ту или другую сторону. Изучение его показывает, что погребальный обряд Хорезма исследуемой

¹ Открытые ранее оссуарные захоронения из Калалы-гыра опубликованы нами (ДХ, стр. 79; СА, т. XVIII, стр. 316) и С.А. Вязигиным (ВДИ, 1948, № 3, стр. 150—155).

эпохи отличается чрезвычайным многообразием. Здесь встречаются: 1) погребения в каменных песчаниковых оссуариях прямоугольной формы на ножках и без ножек; 2) погребения в керамических оссуариях разнообразных типов; 3) погребения в оссуариях из необожженной глины, также разнообразных типов; 4) погребения в обиходных глиняных сосудах; 5) погребения в сосудах из необожженной глины; 6) погребения в вырубленных в стене нишах без оссуариев (видимо, кости завертывались в ткань).

Что касается керамических оссуариев, то можно отметить не менее четырех типов: 1) оссуарии саркофагообразной формы на ножках, с небольшим квадратным отверстием сверху, закрытым крышкой; 2) оссуарии в виде горизонтально расположенного цилиндра («боченка») на ножках, с отверстием и крышкой в торце (рис. 8, а); 3) прямоугольные оссуарии без ножек, с крышкой в торце; 4) подквадратный оссуарий без ножек, с отверстием в пирамидальной верхней грани, закрываемым круглой или овальной крышкой, украшенной скульптурой птицы (рис. 8 б, в). Последняя форма близка к гораздо более поздним оссуариям Семиречья.

Почти все оссуарии украшены наклепными жгутами с насечками, либо идущими по граням, либо (в цилиндрических оссуариях) окружающими сосуды как обручи.

Повидимому, с той же функцией Калалы-гыра как некрополя связаны находящиеся в северо-восточной башне городища две цистерны типа печей с расположенными внизу топочными камерами и отопительными ходами, которые по своему характеру не отличаются от обычных гончарных печей античного Хорезма. На дне топков сохранился мощный слой золы и угля, достигающий 40 см. В верхних камерах были обнаружены человеческий костяк (в меньшей из них) и отдельные кости (в большей). Этот памятник, открытый еще в 1950 г., был определен нами как дахма, т. е. «башня молчания», необходимое сооружение в зороастрийском обряде погребения (СА, XVIII, стр. 316—318). Доследование нижних помещений не опровергает высказанного нами предположения о назначении всего сооружения. Не исключена, однако, и гипотеза, что оно могло первоначально использоваться для обжигания самих оссуариев. Против этого, однако, говорит полное отсутствие оссуарных черепков непосредственно в окрестностях северо-восточной башни.

Обильный крауниологический материал, добытый раскопками Калалы-гыра, а также менее значительный, но весьма интересный материал из Калалы-гыра 2, Куны-Уаза и Канга-кала, обработанный Т. А. Трофимовой, проливает свет на историю антропологического типа населения Хорезма и представляет большой исторический интерес. В исследуемый период к двум европеоидным типам (суббрахикранному и длинноголовому, длиннолицему) примешиваются в различной пропорции два других, неевропеоидных типа. Добытые при раскопках 1950 г. в Калалы-гыре 1 («дахма») черепа II—III вв. н. э. оказались в основном принадлежащими малорослым представителям индодравидоидного, прогнатного типа, известного среди хорезмского населения III в. н. э. по скульптурам «зала темнокожих гвардейцев», открытого в Топрак-кала в 1948—1949 гг. Раскопки 1953 г. показали, что к этому типу могут быть отнесены отдельные черепа и в составе массового материала некрополя Калалы-гыра. Пока трудно сказать, является ли этот антропологический тип остатком от эпохи древних индо-хорезмских связей, которые прослеживаются в IV—III тысячелетиях до н. э. в памятниках кельтеминарской неолитической культуры, или результатом набора индийских военных контингентов в кушанскую эпоху, когда большая часть Индии и Средней Азии входили в состав одного политического объединения—Кушанской империи. Несомненно одно — наличие в системе населения Хорезма II—III веков н. э. компактных групп населения индо-дравидоидного типа.

Среди черепов IV—V вв. н. э. из Куны-Уаза (1952) и Канга-гыра (1953) преобладает совсем другой антропологический тип — длинноголовый монголоидный, близкий к неолитическому населению северного Китая. Видимо, появление этого типа в Хорезме было связано с движением эфталитско-хионитских племен. Впрочем, наличие монголоидной примеси в Хорезме можно констатировать и раньше. Находка в 1952 г. в Гяур-кала в слое II в. н. э. великолепной скульптурной головы в скифском головном уборе бесспорно свидетельствует о наличии некоторой, довольно значительной, мон-

голоидной примеси. Однако в IV—V вв. на окраинах Хорезма появляются значительные группы монголоидного населения, сыгравшие впоследствии немалую роль в формировании современных, европеоидных в основном, групп населения Хорезма — узбеков и туркмен.

Основным пунктом раскопок в 1953 г., как и в 1952 г., являлось раннеантичное укрепление Кой-Крылган-кала, относящееся к рубежу IV—III вв. до н. э. (рис. 9).

Рис. 9. Городище Кой-Крылган-кала. Вид с воздуха

Здесь работал почти весь состав экспедиции, причем параллельно с раскопками велись обширные разведочные и топографические работы на землях, некогда орошавшихся древним Кельтеминаром.

Кой-Крылган-кала, как показали раскопки 1952 г. (см. ВДИ, 1953, № 1, стр. 160 сл.), представляет собой сравнительно небольшое сооружение, основу которого составляет цилиндрическая башня диаметром 45 м, поднимающаяся на высоту около 8 м над окружающими такырами. Снаружи на расстоянии около 15 м по радиусу центральная башня окружена внешней двойной стеной, также имеющей циркульную планировку и укрепленной девятью башнями. Пространство между внешней стеной и центральным зданием было сплошь застроено более низкими, чем центральное здание, сооружениями, имевшими не вполне правильную планировку, но подчинявшимися той же радиальной композиции. Тело центральной круглой башни разделялось на внешнюю мощную стену толщиной свыше 6 м и внутренние помещения цокольного этажа здания, почти целиком сохранившиеся. От застройки верхнего этажа сохранились только слабые следы. Второму этажу здания на внешней стене соответствовала стрелковая галерея, открывающаяся наружу многочисленными стреловидными бойницами, типичными для античного Хорезма.

Работы 1953 г. были сосредоточены на изучении помещений цокольного этажа центрального здания. Полностью вскрыт центральный неф (рис. 10). При раскопках выяснилось, что он был разделен посередине поперечной стеной с дверью. В западной части центрального нефа открыты две лестницы, аналогичные лестницам восточного конца центрального свода, ведущим на верхнюю площадку здания. Однако выход из западных лестниц на стрелковую галерею оказался прегражденным

поперечной стеной. Видимо, уже в период постройки здания было признано нецелесообразным использовать эти лестницы.

В полу западной части центрального нефа открыто два любопытных сооружения. Во-первых, колодец, расположенный посредине свода, прямо против обеих лестниц, проходящий через слой тахырного суглинка, на котором возведено здание, до песчаного аллювия. Его глубина 2,1 м. Отметка дна колодца, видимо, соответствует водоносному горизонту того времени. Во-вторых, против стены, отделяющей западную часть нефа, находится большая, также углубленная в пол, цистерна, диаметром 3,5 м и глу-

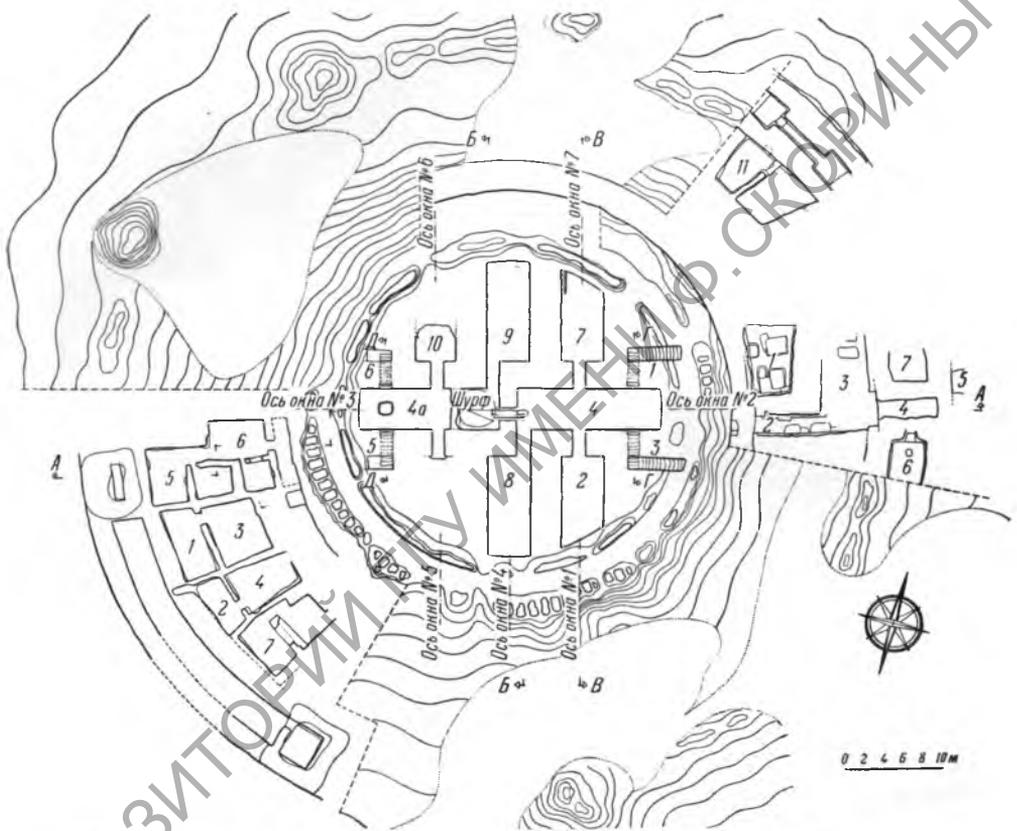

Рис. 10. Городище Кой-Крылган-кала. План (после раскопок 1953 г.)

биной 1,8 м. Она преграждает вход в расположенные по обе стороны центрального нефа комнаты, а также в дверь, ведущую в восточную часть центрального нефа. С запада цистерна ограждена невысокой глинобитной стеной около 1 1/4 м высотой (рис. 11). Никаких находок, которые бы указывали на возможное использование этой цистерны, сделано не было. Материал из завала в самой цистерне, а также вообще в западном отрезке центрального нефа, представляет собой обычную, не особенно многочисленную и не особенно выразительную, керамику, главным образом попавшую из рухнувших перекрытий. Назначение западной части центрального нефа в целом, как, впрочем, и цокольного этажа всего здания, остается неясным.

Раскопки четырех помещений цокольного этажа, находящихся по обе стороны центрального нефа и сохранившихся в общем на глубину не менее 4 м, дали обильные и разнообразные находки. Столь же многочисленны вещи из раскопанных комнат внешнего кольца помещений, расположенных между центральной башней и внешней

стеной крепости. Особенно богатый материал найден в одной из комнат, расположенных по диаметру к северу от центрального нефа. Здесь обнаружено множество сосудов, начиная от больших хумов и кончая миниатюрными сосудиками разнообразного назначения, до полутора десятков зернотерок, многочисленные пращевые камни и целый ряд произведений прикладного искусства. Все эти находки относятся к слою пожара, несомненно, связанному с обвалом помещений верхнего этажа, из которых собственно и происходят все эти находки.

Рис. 11. Городище Кой-Крылган-кала. Западная часть центрального нефа и стенка, загораживающая цистерну

Среди многочисленных обломков статуэток, преимущественно женских, уже известных типов, нужно отметить несколько фрагментов рельефов, принадлежавших, как и рельефы из раскопок 1952 г., стенкам больших, художественно отделанных, баклагов для вина. На одном из этих рельефов изображена полулежачая на троне женщина, кормящая грудью ребенка; на другом — мужская фигура в позе кулачного бойца. Особенно интересен рельеф с изображением головы мужчины, увенчанной высоким эффектным шлемом в виде головы фантастической птицы. На назатыльнике шлема — маска, изображающая человеческое лицо (рис. 12).

Все эти изображения приоткрывают завесу над миром мифологических представлений и эпических сказаний населения древнего Хорезма. В ряду этих памятников заслуживает упоминания и найденный в 1953 г. во время разведочных раскопок круглого здания в Калалы-гыре 2 фрагмент сосуда с рельефной композицией, изображающей всадника на верблюде, поражающего бегущего джейрана (рис. 13).

Среди скульптурных находок отметим найденную в западной части центрального здания Кой-Крылган-кала, в верхнем слое статуэтку сидящей женщины в пышной одежде неизвестного до сих пор для Хорезма типа. Очень интересна также находка в одном из внешних помещений миниатюрной статуэтки, изображающей одетую в плащ (производящий впечатление плетения из травы) обезьяну с детенышем. Выполненная с большим реализмом и знанием природы, статуэтка обезьяны сделана из необычного для хорезмийских терракот керамического теста серо-зеленоватого оттенка и производит впечатление привозного произведения искусства. По своим стилистическим особенностям она очень близка к произведениям искусства древней Индии (рис. 14).

Среди произведений хорезмийского искусства, как и в прошлом году, особое

место занимают фигурные оссуарии, найденные в окрестностях Кой-Крылган-кала.

Особенно интересен оссуарий, представляющий собой небольшой плоский квадратный ящик, на котором сидит, поджав под себя ноги, мужская фигура почти в натуральную величину (рис. 15). Он был найден в непосредственной близости к Кой-Крылган-кала, за несколькими песчаными грядами, метрах в 200 на север, поблизости от развалин сильно разрушенного здания и гончарной мастерской, с которой, видимо, и была связана эта находка. Стан фигуры перетянут поясом, висящие вниз концы которого завершаются крупным изображением голов баранов. Изображения баранов расположены по сторонам дисковидной пряжки, застегивающей посредине ворот кафтана, в который облачен изображенный мужчина. По краю круглого выреза ворота идет полоса орнамента, явно изображающая вышивку; на левом плече своеобразный бант, которым, видимо, завязывался короткий плащ; следы последнего прослеживаются на спине скульптуры. Кафтан покрывает широкие шаровары, с многочисленными складками, трактуемыми, однако, довольно схематически. Скульптура изображает мужчину европеоидного типа, с сильно выступающим носом и миндалевидным прорезом глаз, небольшими усами и обритой по традиционному хорезмийскому образцу бородой, окаймляющей нижний край челюсти. Волосы подстрижены в кружок. Вообще в изображении много черт, роднящих его с парфянским искусством. Полукруглое отверстие, через которое вкладывали в оссуарий кости, расположено в нижней части спины.

По всем данным, оссуарии из Кой-Крылган-кала относятся к периоду более раннему, но не слишком отдаленному от времени бытования оссуариев Калалы-гыра1.

Немалое место в работах 1953 г. занимали исследования древней ирригационной сети, проводившиеся в более широких масштабах, чем раньше.

Работы на землях древнего орошения зоны командования древнего Кельтеминара, того района, где расположена Кой-Крылган-кала, позволили во многом уточнить наблюдения прошлого года и представить весьма интересную картину истории древнейшей ирригации Хорезма (рис. 16).

Сейчас ясно, что развитие ирригационных систем Хорезма представляет собой сложный процесс поисков и опытов древних ирригаторов, ощутя познававших законы природы, управляющие движением воды. Исследования кельтеминарской системы показывают, что древнейшие каналы следовали, как правило, руслам дельтовых протоков загухающей Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи. Новые работы подтвердили уже высказанное нами предположение (ДХ, стр. 44), что человек, создавая древнейшие ирригационные системы, как бы шел по следам уходящей воды, стремясь искусственными мерами задержать процесс дальнейшего усыхания дельты. Оказалось, что самые древние каналы лежат не по средней линии такырных щитов дельтовых суглинков, а на их периферии, в районе контакта с песками, там же, где расположены наиболее поздние дельтовые русла и где иногда и до сих пор происходят прорывы аму-дарьинских паводковых вод. Древнейшие каналы характеризуются огромными размерами, достигая в зоне древнего Кельтеминара ширины 30 м между валами. Ответвления от каналов системы древнего Кельтеминара, датируемые VI—V веками до н. э. (это время определяется многочисленными поселениями, расположенными на этих калалах и дающими архаическую кюзели-гырскую керамику и наконечники скифских стрел), отходят от канала под прямым углом в тех случаях, когда они не следуют ответвлениям древнего русла. Под прямым же углом отходит и мелкая оросительная сеть, которая нередко базируется прямо на магистральном канале.

Таким образом, рассматривая схемы ирригационной системы древнейшего Кельтеминара, мы видим, что такырный щит кельтеминарских суглинков с двух сторон по линии границы с песками окаймлен двумя древними каналами — Кой-Крылган-калинским и Джанбас-калинским, от которых навстречу друг другу отходят под прямым углом многочисленные, более мелкие ответвления.

Иную картину можно наблюдать в более позднюю эпоху — позднекангуйскую и особенно кушанскую, к которой относится сооружение большого Базар-калинского

12

13

14

15

Рис. 12. Городище Кой-Крылган-кала. Рельеф на фляге

Рис. 13. Городище Калалы-гыр № 2. Рельеф на фляге

Рис. 14. Городище Кой-Крылган-кала. Статуэтка обезьяны с детенышем

Рис. 15. Окрестности Кой-Крылган-кала. Осуарий с мужской фигурой

канала. Этот канал идет по средней линии щита такырных суглинков, давая ответвления под острым углом на правую и левую сторону. По древнему Кой-Крылганскому каналу, прежде самостоятельной магистрали, теперь, в кушанское время, проходят мелкие ответвления; это небольшие каналы 1—1,5 м шириной, но зато более глубокие и обеспечивающие полностью орошение примыкающих полей.

Наконец, равнее средневековье, которое представлено на древнем Кельтеминаре афригидскими развалинами Карга-Тышкан, Адамли-кала и мелкими замками окрестностей Ангка-кала, характеризуется еще более глубокими и неширокими каналами и чрезвычайно регулярной мелкой ирригационной сетью. Однако этот раннесредне-

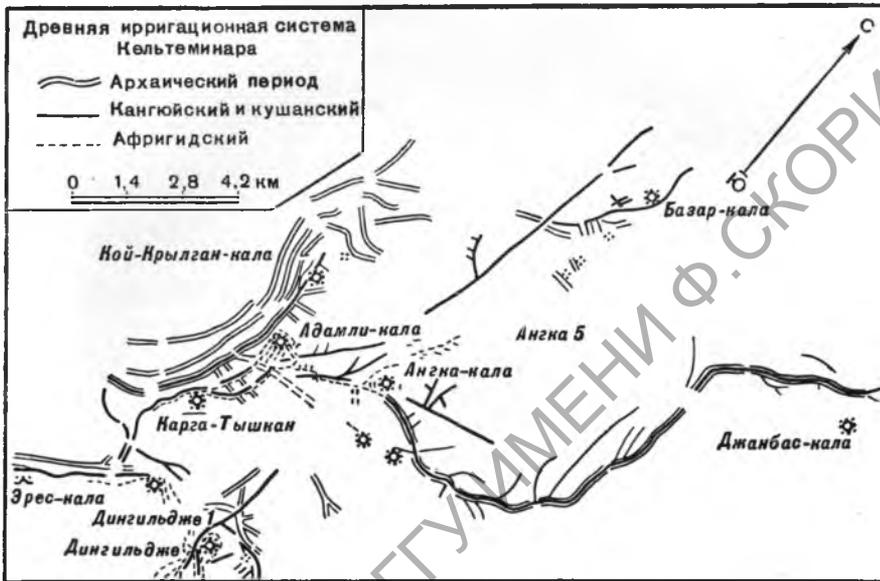

Рис. 16. Древняя ирригационная сеть Кельтеминара

вековой строительный период в данном районе выявляется слабо. Гораздо больший интерес здесь представляют открытые в 1953 г. многочисленные планировки древних полей, базировавшихся на системе архаического и кангюйского Кельтеминара (рис. 17). Поля, как правило, прямоугольны в плане, размером до 100 м в длину, обычно разделены на два квадрата прямым каналом в 4—5 м шириной. Каждый из квадратов разделен валиками на поливные участки шириной 3—4 м и длиной до 50 м.

Уже сейчас можно установить, что в позднеантичный период, хорошо представленный многочисленными полями в открытом в 1953 г. мертвом оазисе Дингильдже на правом ответвлении верхнего отрезка древнего Кельтеминара, устройство ирригационной системы становится более сложным и разнообразным, что свидетельствует о начале нового периода в развитии агрикультуры. Исследования, проведенные археолого-топографическим отрядом экспедиции (начальник отряда Б. В. Андрианов) на левом берегу, рисуют аналогичную картину. И здесь, только в более крупных масштабах, можно наблюдать переход от архаических форм ирригации, основанных на следовании за древними протоками дельты, ко все большей и большей постановке познанных человеком законов природы на службу развитию хозяйства. Особенно большой интерес представляет в этом отношении историческая картина ирригации древнего Чермев-Яба. Здесь многочисленные головы коротких, широких каналов архаического периода воспроизводятся еще и в ряде аналогичных сооружений кангюйского времени. Точно так же ряд кангюйских каналов берет свои истоки из отдельных протоков южного Даудана и орошает незначительные замкнутые ирригационные районы. Однако в позднекангюйский и особенно в кушанский период мы видим явную тенденцию к объединению этих каналов

в одну большую систему, которая прослеживается уже в районе Калалы-гыра и особенно может быть прослежена южнее, по линии Куисай-кала — Шах-Седем — Гяур-кала — юго-западный мыс Тарым-Кая. Это русло кушанского канала, существовавшего, повидимому, недолго, затем в расширенном виде повторяется средневековым каналом, построенным в эпоху великих хорезмшахов в XII в. н. э. Но по своим замыслам и по своему осуществлению он резко отличается не только от древнейшего архаического, но и от кушанского канала меньшей шириной при большей глубине.

Рис. 17. Древние поля в районе Карга-Тышкан-кала

Прослеживая развитие ирригационной системы как Кельтеминара, так и Чермен-Яба и древнего Куня-Уазского канала, мы можем наблюдать одну и ту же закономерность: переход от древних, базирующихся на еще слабом знании законов природы и требующих колоссального человеческого труда, малорациональных ирригационных систем архаического и раннекангюйского периодов к более совершенной, уже основанной на глубоком познании законов природы, позднеантичной системе ирригации, которая находит, однако, свое окончательное завершение в системе ирригации средневековой, базирующейся на использовании ранее неизвестных водоподъемных сооружений типа чигирей. Качественные различия, которые отделяют ирригацию рабовладельческого общества, за исключением его последнего, заключительного периода, подготовившего крушение рабовладения, от ирригации средневековой, являются еще одной наглядной демонстрацией непреложности закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

К позднему средневековью, к XV— началу XVII в., относится ирригационная система Сарыкамыша, исследование которой начато нами в 1950—1952 гг.¹ Эта работа заслуживает особой публикации вместе с теми позднесредневековыми памятниками, которые с ней связаны².

Проф. С. П. Толстов

¹ См. наши отчеты в Вестнике АН СССР, 1953, № 8, стр. 36; ВДИ, 1953, № 2, стр. 181 сл.

² Итоги работ 1953 г. и предыдущих лет по изучению сарыкамышской ирригационной системы подведены в статье С. П. Толсто в, А. С. Кесь и Т. А. Жданко, История средневекового Сарыкамышского озера, сб. «Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии», М., 1955, стр. 37—75.